

Художник

Ты художник? Да, художник,
Ну и что ж, что ты художник,
Значит, можешь рисовать.
Нарисуй тогда мне гору
Самых синих очертаний,
Чтобы мог я на вершине
Чистым воздухом дышать.
Чтобы в дни земных сражений
Ел бы зрелый виноград.
И молчи, что ты художник,
Ну и что ж, что ты художник,
Значит, можешь промолчать;
Замолчи о том, как больно
Дождик бьёт в босые ноги,
Замолчи о том, что бубна
Нету в сломанной руке,
Замолчи о том, что буря
Кудри выкинула набок,
И летит дубовый листик
В белый гром зимы навеки.

Сентябрь 1940

Узник

В пепел сожжено лицо мое,
Цепи гремят на руках моих —
Ты же, вместо слов голубиной нежности
Бьёшь в свой дурацкий тамбурин,
Пляшешь, умирая от веселья.

Милая! Видишь — птицы летают в воздухе,
 В сне блаженном леса пребывают!
 Если так говорю, то неужели
 Не найдешь в моем сердце радости?
 Я стою пред тобой, как пред Господом.
 Подари мне улыбку нежную!
 Станет розовым лицо мое,
 Упадут и расколются цепи.

Октябрь 1940

Хочешь ты заниматься искусством?
 С громкой славой писать для потомков,
 Как ликуют над городом тучи.
 Как земля украшается лесом,
 Как стоят вокруг озера горы,
 Как летают пески над пустыней?

Я хотел бы легко и свободно
 Изобразить послушную кистью
 Смех лица твоего и горе,
 Тех, кто тушит простую радость,
 Всех кто больше смеяться не может,
 Тех, кто глуп, предаваясь унынию.
 Ты ж сказал мне, невидимый взору:
 «Брось отныне и кисти и краски.
 Вот чернила, перо и бумага,
 Изобрази, как туча ликует,
 Изобрази улыбку и горы —
 Только и это тебе запрещаю».

1940

Если нож тебе воткнули в спину,
Жизнь спасая верные друзья —
Так другие нежно поцелуют
Потихоньку сталкивая в гроб.

1940

Ты был человек?
Да!
Была у тебя голова?
Да!
Носил ты руки в плечах?
Да!
Ноги твои украшали землю?
Да!
Ты был человек!
Да!
Посмотри на себя теперь: видишь свою голову?
Нет!
Руки твои возьмут ли топор?
Нет!
Но в суровую погоду
Я ступал бы по земле
Не лежал бы с громкой дудкой
В необструганных гробах,
Не смотрел бы, как одежды
В поле скидывает вьюга,
Не оставил бы на снеге
Белом черные следы.
Может быть в домах их бревен

Ткут невесты белый холст,
 Может быть от долгой ночи
 Есть надежда о заре.
 Не напрасно ж ветер дует
 И чугуною рукою
 Тушит пляшущее пламя
 Погибающих осин,
 Не напрасно ж громкий всадник
 В поле мчится, как весна,
 И не зря ж мелькают сабли
 Над глазами лошадей,
 И в дыму воображений
 Конь взметнулся на дыбы,
 И кидает в гимн сражений
 Белой гривы бурный флаг.
 Есть у тебя голова?
 Да!
 Ноги есть у тебя?
 Да!
 Втиснут ли в руки звонкий топор?
 Да!
 И влит в чело веноч владыки.

1940

Осанна круглая (канон)

- Давайте сядем в кресла.
- Благодарю.
- Давайте будем плакать.
- Благодарю.

- Давайте песни петь.
- Благодарю.
- Давайте видеть звезды.
- Благодарю.
- Вникать в строенье мира,
берите телескоп.
- Благодарю.
- Когда увидим мир и в нем себя познаем тождественными с плазмой,
позвольте предложить тогда вот это кресло?
- Благодарю.
- Мы будем отдыхать, о прошлом вспоминая, самих себя с волнением
рассматривая вновь.
- Благодарю.
- И наше сердце будет похоже на ладони двухлетнего ребенка
всему рукоплескать.
- Благодарю.
- И мы увидим звезды, поймем строенье мира и нам не будет нужен
вчерашний телескоп.
- Благодарю.
- Мы выйдем на террасу, поклонимся друг другу: «Садитесь в эти кресла».
- Но кресел не найдем.
- Тогда мы оба скажем «Давайте будем плакать».
- Но слез мы не найдем.
- Тогда предложат оба: «Давайте песни петь».
- Но песен не найдем.
- Тогда мы скажем вместе: «Давайте видеть звезды».
- Но звезд мы не найдем.
- Тогда друг другу скажем: «Поймем строенье мира».
- Но мира не найдем.

- Тогда воскликнем разом: «Давайте ж телескоп».
- И не найдем его.
- И вот тогда мы скажем... [сначала]

1940

Землю кругом облетишь и обскачешь,
 Дива такого не высмотришь ты —
 Дачная дама сажает на даче
 В дачные клумбы цветы.
 Харкают пушки плевками снарядов,
 Мечется в ужасе черт дипломат!
 «Лето хорошее, ах, как я рада —
 В воздухе будет такой аромат!»
 Я подбежал к ней, кричу: «Поглядите!
 Кровью окрашены венчики роз!»
 Дама поморщилась: «Эх! Извините,
 Ручки мои попали в навоз!»

1940

Для первой ступени возвышенных чувств
 Годится Введенский с корзиной искусств

1940

Рыбак

Ложка, весла, парус, бредень,
 В тине плещутся озера,
 А рыбак и худ и беден
 Смотрит в воду жадным взором.

Глубока вода, а выше
Облака в ладони неба,
Месяц к вечеру не вышел.
За день дождик вовсе не был.

Постоял рыбак на берегу,
(На песок ложились волны)
Посмотрел на туч набег
И на блеск далеких молний,

И пошел в избу на гору;
А в избе лежит краюха,
Возле старого забора
Дремлет строгая старуха.

Может быть для всех наивно
Поджидать в озерах рыбки,
А смотреть <нрзб.>
На старушечьи улыбки.

27 сентября 1940

Вам, люди горя, не мешало б
Свалить в овраг оснастку жалоб.
Венок оркестра медных труб
Одел на лоб осенний дуб.
Что звуки трубные привносят
Тому, что знак владыки носит?
Охраны меч тому не нужен,
Кто небу синему содружен.

Кто блеском риз вооружён,
Тот смело смотрит в бури звон.
А она на небе черном
Вбок пронесит вилы веток.
Ее сооруженный звон
Для слуха зрелого прелестнее.
Натружено дышит горам
Шаг ее чудесен, цепок.

<1940?>

Обоз

Под гром январского оркестра,
В оружие сбруи и кнутов
Старается сорваться с места
Встречая утренний мороз
Готовый к подвигу обоз.
Бегут лохматые лошадки,
Везут солому и дрова,
Летят воза под мостик шаткий
В раскат свалившись набекрень;
Кругом уже сияет день.
Но что за чудо, великаны,
Играя рыжей бородой
Хватают сани в силе рьяной
Легко справляются с бедой
И вновь идут, как боги чинно,
Вбивая в снег жестокий визг
А на плечах у них овчина
Бушует разъяренным львом,

И машут светлым топором.
А впереди, как бочка пива
Сияет солнце и поля
Себя раскинули красиво
Снегами белыми пыля...
Жесток поход. Но день уж умер,
Закинув в небо красный цвет;
Стоит обоз в великой думе,
Морозным дымом окружен,
Так он вникал в восточный сон.

Январь 1941

Поверь в нас! Много истин
На копьях острых принесем,
И каждый сруб под вечер мглистый
Червонным полыхнет костром
На бревнах праздник полотенец,
Ладонь сломав кичится холст
Огонь в печах, юла — младенец
Из труб воздвинув жирный хвост
И хлеб возлег тяжеле кряжа
На доски тучные стола,
Веретенном играя пряжа
Овечий запах пролила,
А мы летим сверкая медью,
Во лбах горят созвездья слов
И пляшут огненные ведьмы
В объятых жарких колдунов,
А мы летим сверкая ночью,

И бьем в железные щиты
 И сами падаем от мощи
 Своей победной нищеты.

*В слове «мы» — немые слепцы, ни говорить,
 ни видеть не может, оно — нищие, ведут его поводыри.
 (Примеч. автора)*

Март 1941

Вот основа из основ:
 Недра слов не для ослов.
 Беспредельна слова жатва
 Слова ж сеять надо сжато.

(1941 ?)

Если все обречено на гибель,
 Значит вечно царствует любовь
 И чем больше жажда разрушений,
 Тем сильнее владычествует мир.
 Сколько силы вложено в снаряды,
 Чтобы ими в пепел обращать
 Дом, воздвигнутый от непогоды,
 Изгородь от злобы и беды —
 Сколько ж вложено победной воли
 Разрушенье приостановить.

<1941!>

Не придумывайте беды,
 Больше доли их не будет,
 Будут вовремя обеды,

Солнце смерти всех рассудит.

1941

Вы откуда некрасивые

И куда вы шелудивые?

Черен месяц на челе,
Грязь в ободьях у телег.

И куда вы едете,
Темь над вами — видите?

30 мая 1942

Без любви к лесам травинок
Жизнь будет всем пуста,
Как к кресту подходит инок,
Поклонись лицу куста.

1942

Куда как приятно войти и свободно
Промолвить о том, что сидеть неудобно.
О мудрости падшей узнать прибаутку,
Накинув на плечи соболю шубку.
Не жутко тебе ли,
Коль жизнь убога,
Лежать на постели,
А не у порога.
Порог суров, он доброхот
Он в царство вечности ведет.

1942

Одежды дня, наряды ночи
 Кому покажутся напрасны,
 Вот потому и мы упрочим
 Рвань сверкающие рясы.
 Лишь потому, что с плеч Христа,
 Оборванные ризы
 Одеты нами неспроста,
 Владыками отчизны.

<1942?>

Предметом синим называл
 Улыбку лошади. Издохши,
 Луну сглотнул её оскал,
 Он был садов царей не плоше.
 В орбитах синие цветы
 Ласкали взор межзвёздных духов,
 Среди камней и высоты
 К земле склонивших чуткость уха.
 Сцепленье водорослей рек
 В бреду слегка течение зыблет,
 Вот так заснул на веки век
 Под слово Бога: он погибнет.

7 сентября 1942

Есть люди, у которых внутри: али,
 ели,
 яли, женские рифмы,
 есть люди, у которых Щ, Ъ.
 А есть как ЦЪ. Этих надо ловить — жулики,

предатели, из них шпионы. Кто хочет пусть боится.

7 октября 1942

Калбитка* нежная, тебе ли
 Сегодня степи шелестели,
 Тебе ли травы нашептали
 О снах веселья и печали.
 И потому ты чернокосяя,
 Хотя прекрасны эти идолы,
 У них всегда глаза раскосые,
 Таких прекрасных мы не видели.
 Холмы уснули сном кибиток,
 А небо думает верблюдом.
 Возьми меня к себе, калбитка,
 И угости бараньим блюдом.

7 окт. <1942>

Проехали дроги. Возницы продрогли
 Стоногие клячи изгрызли оглобли,
 Колёса увязли. Возницы кричат
 Над чёлками щелкает обруч бича.
 И кто-то высокий, босой, обнажённый,
 Не плачем ли осени насмерть сражённый
 На обруг, на окрик, на руганый стук
 Отчаянье вывихнул срубленных рук...
 Из горла завыли проклятья больницы,

* Калбитка — в Казахстане уничтожительное название распутной женщины.

Зеленая ветка в лоб тучи стучится.
 И роща упала на землю плечом,
 Иссечена в шрамы горячим бичём.
 Труба, открыв лужёный рот,
 С косматой одурью
 В дыру без усталости орёт.

25 окт. <1942?>

И доски бьют. Смятенье.
 Кричат орлы, деревья
 В овраг идут стволов полками,
 Кольчугой инея гремя
 Над их вершинами
 Летают, ночь качая,
 И чей-то голос губ огромных
 Три раза произносит: МЫ
 И конные, в огне оружия
 И в блеске сабель их чащоб,
 Несутся с воплями на ветки
 И машут смерти обручами,
 Убить желая наповал.
 И дышит чёрная земля,
 Себя слезами обливая:
 «Где ты тяжёлый человек,
 В кусты забросивший постель?»

7 декабря 1942

Что делать сердцу, если сумрак
 Неслышной бабочкой летает

Небесный круг по произволу
И землю вверх и вниз качает.
Не только ночь меняет взоры,
Но сбит и полдня лик блестящий
И различить никто не может
Вчерашний день и настоящий
Закутанный в туман созвездий
Бредет незримо вверх прохожий;
И птиц полет, и рек движенья,
Шум леса, не него похожи.
Где ж твердый берег? Сон стоокий,
Раскинув весла, отдыхает.
Неслышный сумрак потихоньку
Природу вверх и вниз качает.

1940-е

Несу вам люди утешенье и сладость мудрости.
Вникните в красоту, мною изображенную.
Се — радуга над главою взлохмаченной.
Зелен луг. Бросьте междоусобицы.
Вникните в красоту новоявленную.
Будьте сердцем чистые,
луга зеленого не покидайте.
Глазу радость в нем, душе отдых.
Сколько вам пребывать еще в зле,
неведении радости? Стоит ли?
Вот истина вам сердца доброго.
Следуйте за ней. Хлеб черный нужен вам —
возьмите его. Чистыми войдете во врата радуги,

дождем омоченные, освеженные, чище голубей будете.
 Топор в руках ваших. Строители чудотворные
 изб бревенчатых, вам ли забыть запах леса срубленного,
 бревна отесанного. Вернитесь, услышите радость
 в слове произнесенном и, ликуя,
 очиститесь от репья и мусора.

1940-е

Тревога мчится на машинах
 Сидит в трамвае
 и пешком идет по
 грязным тротуарам
 Лежит на полках в магазине
 и день и ночь
 стучит входную дверью

1940-е

Еще вчера мы все держали
 Различных птиц в своих руках
 А нынче мертвыми упали
 Все птицы превратились в прах

1940-е

В далеком городе зимою
 Живу сам друг с своей тоскою
 Услышав трубы электрички
 Послушный радостной привычке
 Да, всей душой отвечаю я —
 Покроет снег все чувства наши
 Забор унылый многих дней

Не будет радугой окрашен
Идет отсчитанное время
С повязкой черной на глазах
Проходит

1940-е

Птица синяя была,
А у птицы два крыла
Птица крыльями взмахнет
Голос в небе запоет
Целый день она летает,
А о чем поет — не знает
И роняет птица перья
На зеленые деревья

1940-е

Стихотворения публикуются по автографам и машинописи, хранящихся у И.А.Стерлиговой и А.Н.Гостинцева.

Другие стихотворения В.В.Стерлигова, в том числе упоминаемые в письмах, опубликованы Е.С.Спицкой в журнале Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 2010. Vol. 16. P. 2. С. 84—103.

Павел Успенский О стихах Владимира Стерлигова

Стихи Стерлигова совсем не похожи на его письма. Язык писем к Ирине Потаповой — нежный, пластичный, ритмичный, играющий корнями и созвучиями. Язык стихов — скованный, угловатый. Он не тонет в паводке любовной речи, существующей ради самой себя, — он весь подчинен творческой задаче, причем задаче художника, думающего о композиции и о сочетаемости элементов. Стилистика писем скорее напоминает опыты Хлебникова, поэзия же создается под влиянием «последних модернистов» — обэриутов, прежде всего, Хармса и Введенского, которые необычайно высоко оценили стихи Стерлигова .

Пожалуй, лишь несколько раз в своих стихах Стерлигов проверяет язык на плавкость. В первый раз — в рифмованном стихотворении 1940 г.:

Слово Рыг, слово Раг,
Быственной, лиственной, хлестанный,
душу свою окровавил,

Помилуй нас, Господи.
 К наляям склонены —
 Души подыдем,
 Подыдем и сложим.
 Г<осподи>, Г<осподи>, знаем, ты — свет,
 Г<осподи>, Г<осподи>, знаменья нет...

В другой раз — в лирической зарисовке, напоминающей о «Зверинце» Хлебникова:

...Уже просыпаются львы. Они вбивают хвосты в песок. От плотных ударов песок звенит. Уже вытянуты лапы, львы открывают пасти и белые зубы, как боги, сверкают улыбками в душу под белым на небе оленем двурогим, искавшем на звездах прозрачную сушу.

Тогда львы начинают рыкать:
 Бог. Бах.

В основном же Стерлигова интересует не плавкость поэтического языка, а его конструктивные особенности, если угодно, «строительные элементы», которые можно расположить в лучшем порядке. К этому порядку стоит присмотреться. Вот стихотворение, написанное накануне многих страшных событий в 1940 году:

Князь сидел смеясь бессильно,
 В красной шапке набекрень
 А в окошко видно было
 Как на землю падал снег
 Ты чего ж взмахнул руками,

Будто видишь яркий свет, —
Вон собаки ночью лают
Издыхая поперек
Жрущих грязь кривых дорог.
И ветла в жестокой тряске,
Ветер ветки ей сорвал
И вскочив верхом на прясла
Серой ветошью взмахнул!
Где же смерть! вскричав от боли,
Князь созвездьям держит речь.
Гибнет мир от силы воли,
Так зачем нам ею жить?
И зачем мне от рожденья
Подарили крепкий меч?
Чтоб его в пыли сражений
В искры мелкие иссечь!
Или есть за этой битвой
Где-то тихая свирель
И спокойная как небо
Голубая колыбель?
И качаясь в ней ребенком
Свой увижу крепкий меч,
в чашу собранные искры
У подножия звезды?

Это стихотворение — философская зарисовка: ночью, в какой-то точке гбнущего «от силы воли» мира, князь думает о смерти и гадает, есть ли высший смысл в предстоящих ему сражениях? Мы можем представить, как это стихотворение могло показать-

ся близким Введенскому, который в том же 1940 г. закончил знаменитую «Элегию» строками «на смерть, на смерть держи равнение / певец и всадник бедный». Однако эти стихи роднит не только предощущение гибели, но и установка на условность поэтического мира. Как в «Элегии» действие развивается в условном пространстве, так и в этих стихах Стерлигова происходящее как будто предельно отдалено от 1940 года и поэтический мир собирается на наших глазах из прекрасно известных традиции слов и образов: князь, дороги, снег, созвездья, звезда, ветер, ветла, колыбель, меч, свирель, чаша, звезда, смерть (разве что издыхающие собаки выбиваются из этого ряда). Эти «строительные элементы» наделяются в тексте многозначным смыслом и позволяют видеть в нем философский этюд.

Еще рельефнее условность поэтического мира создается Стерлиговым в «Пире королей» — незаконченной поэме 1940 г., над которой автор упорно трудился и которая, по сути, формирует главный узел довоенных стихов Стерлигова. В этом произведении влияние поэзии обэриутов проявляется сильнее всего. В «Пире королей» поэт не только использует условные поэтические элементы, но и создает реальность, полную внезапных превращений и неожиданных метаморфоз:

Ударил бубен. День скончался,
 Взнесен на небо ночи трон,
 Она взошла, над ней качнулся
 Венец из тысячи корон.
 Ударил бубен. Зал бушует,
 Избит походом тучных труб,
 А за столом всю ночь пирует

Ватага щедрых королей.
Один подбросил звонкую корону,
Воскликнул радостно: «Я — истукан!»
Прислушавшись к стальному звону,
Он говорит: «Так властвует орган!»
Другой воткнул в пирог воздушный ножик,
И без помехи чудо совершил,
Ковчегом ночи к потолку поплыл.
А тот глядел на голубую крепость
(она стояла тихо за окном)
И рассуждал: «весь мир нелепость,
Раз я, король, пирую за столом».
Король четвёртый ел, швыряя ложки,
Король четвёртый пил, звеня в бутылки,
Вокруг от пищи разлетались крошки,
И над столом, как шпаги, бились вилки.
А короли кричат: «ведь мы тузы,
Великолепны мы и грубы,
Мы слушаем, как хор грозы
Гремит в воинственные трубы».
Откуда льётся карт квадратный дождь?
В стене прекрасный призрак смерти — туз пик
И смотрит с ненавистью туз бубен.
Как мечутся пред ним в высокой страсти
Червей и трэф враждующие масти!
А нам-то что? Мы любим ночь!
Она сестра нам! Ей бокалы!
Послушай, царственная дочь,
Как мы споём тебе, нахалы!

Твой, корона, блеск мечей!
 Лицо твоё — копё сражений,
 В глазах горит миллион свечей,
 Без всяких пагубных движений!
 Твой шаг неслышен, он секрет,
 Так ходят кошки по карнизам,
 И ты несёшь всех истин свет —
 С плеча спадающую ризу!

Описанный пир алогичен как на микро-, так и на макроуровне. Один из королей ест, «швыряя ложки», другой приходит к абсурдному умозаключению: раз я «пирую», «весь мир нелепость», третий радуется: «Я — истукан», что не мешает ему быть живым и подбросить корону... Сами же короли — в силу языковой ассоциации (раз короли говорят: «мы тузы», значит, должны появиться черви и пики) — в середине текста оказываются игральными картами. Череда абсурдных действий и метаморфоз превращает стихотворение в предельно амбивалентный текст.

«Конструктивные элементы» поэтической речи отпечатываются в сознании читателя, позволяют ему представить цельную картину, однако механика соединения элементов скрыта за внешним алогизмом. Кто, например, эти «мы», появляющиеся в строке «А нам-то что? Мы любим ночь»? Эти слова произносят сами короли, или это реплика собравшихся за столом гостей? Из-за этой «нелогичности» и возникает несколько возможностей прочтения «Пира королей»: то ли в нем описывается круг друзей, «оставленных судьбою», возмнивших себя королями во время ночной пирушки (и тогда вполне возможно,

что эти стихи о друзьях поэта — обэриутах), то ли так Стерлигов описывает увлеченную игру в карты? Эта двуплановость «Пира королей» едва ли разрешима и едва ли требует разрешения.

Важнее, что стихотворение тщательно выстроено. Так, например, перечитывая его, можно обратить внимание на кольцевую композицию: картину буйного пира обрамляет плавное и несколько парадоксальное описание яркой и блестящей ночи («над ней качнулся венец из тысячи корон», «в глазах горит миллион свечей»). Или можно заметить, как текст пронизывает мотив музыки («ударил бубен», «орган», «хор грозы», «мы споем тебе»), который в конце противопоставляется бесшумности ночи.

Как бы читатель ни трактовал «Пир королей», несомненно, что смысл формируется благодаря узловым словам и образам текста. Ключевым, по-видимому, оказывается не алогичное описание пира, не пластика метаморфозы, а нечто более важное — как во внешне абсурдном мире можно пережить момент озарения и узнать истину: «И ты несешь всех истин свет». Как будто сами слова стихотворения в конце текста подводят говорящего субъекта к постижению истинного устройства мира.

Истинное познание законов мироздания — важнейшая для Стерлигова поэтическая тема. Для него было важно, что именно творец, художник (см. стихотворение «Художник») способен — благодаря вдохновению — увидеть в окружающем мире глубинные явления и закономерности. Этой теме посвящено и четверостишие начала 1940-х годов («Как мне смешно, что крыша, стены / Для нас совсем непроходны, / Когда вперед раскинув руки, / Я прыгнул в сумерки ничком»), и замечательное стихотворение того же времени:

Жилище Бога — тоже сад,
 Где горы белые стоят,
 Бросая свет на высь лица,
 Где тополь снизу высится.
 Пространство горное везде
 Лежит прекрасно синим кубом —
 Последней, утренней звезде
 Отдавши смерть улыбкой в губы.
 Никто еще не распознал
 Ни речь высот, ни их оплечья, —
 Лишь этот, с дудочкой, сказал:
 «Живая тех пространства речь я».

Именно поэт — «этот, с дудочкой» — оказывается носителем «живой», сакральной речи, которая способна запечатлеть красоту и глубину мира и его пронизанность божественным началом.

Красоту мира Стерлигов готов был увидеть в приземленных простых вещах и явлениях. Так, например, чудесным ему могло показаться движение обоза:

Под гром январского оркестра,
 В оружие сбруи и кнутов
 Старается сорваться с места
 Встречая утренний мороз
 Готовый к подвигу обоз.
 Бегут лохматые лошадки,
 Везут солому и дрова,
 Летят воза под мостик шаткий
 В раскат свалившись набекрень;

Кругом уже сияет день.
Но что за чудо, великаны,
Играя рыжей бородой
Хватают сани в силе рьяной
Легко справляются с бедой
И вновь идут, как боги чинно,
Вбивая в снег жестокий визг
А на плечах у них овчина
Бушует разъяренным львом,
И машут светлым топором.
А впереди, как бочка пива
Сияет солнце и поля
Себя раскинули красиво
Снегами белыми пыля...
Жесток поход. Но день уж умер,
Закинув в небо красный цвет;
Стоит обоз в великой думе,
Морозным дымом окружен,
Так он вникал в восточный сон.

Стихотворение, написанное классическим четырехстопным ямбом и потому неизбежно ассоциирующееся как с пейзажной поэзией, так и с описаниями природы в «Евгении Онегине» («И вот уже трещат морозы...»), строится на переходе от статики к динамике и обратно, в его центре — различные темпы движения обоза, и этот ритм аранжирован описанием течения времени от раннего утра к позднему вечеру. В тексте как будто ничего не происходит — и одновременно случается слишком многое: условность поэтического мира преобразуется на наших глазах, и

читатель способен пережить бытийственность зимней природы и яркие метаморфозы зимнего солнца.

Даже когда поэт не способен пережить откровение и познать глубину мира, он может увидеть прекрасное в самой невозможности познания:

Что делать сердцу, если сумрак
 Бесшумной бабочкой летает,
 Небесный круг по произволу
 И землю вверх и вниз качает.
 Не только ночь меняет взоры,
 Но сбит и полдня лик блестящий,
 И различить никто не может
 Вчерашний день и настоящий
 Закутанный в туман созвездий
 Бредет незримо вверх прохожий;
 И птиц полёт, и рек движенья,
 Шум леса, на него похожий.
 Где ж твёрдый берег? сон стокий,
 Раскинув вёсла, отдыхает.
 Бесшумный сумрак понемногу
 Природу вверх и вниз качает.

Поэзия Стерлигова сильно изменяется в 1941 году. Катастрофические и трагические события — начало войны, блокада Ленинграда — предсказуемо меняют тематический репертуар поэта. И здесь случается жутковатое для читателя чудо: обэриутская поэтика начинает описывать не условный мир, состоящий из традиционных элементов, а страшную реальность, для которой,

при этом, не хватает языка. В этом плане поэзия Стерлигова удивительным образом дополняет недавно открытые блокадные стихи Г.Гора и П.Зальцмана, которые также писали о запредельном опыте языком обэриутов.

У Стерлигова поэтическая речь этих лет фиксирует сам момент умирания, момент перехода в небытие:

Сугробы, снег, мороз и ветер,
 Квадратный лед на дне стаканов.
 Сегодня тихо умер третий
 Семьи засохших истуканов.
 А завтра, завтра в дно квартир
 Вползет нога неслышной смерти.

Май 1942

В этом стихотворении, которое в конце вдруг теряет рифмы и будто перестает быть стихотворением как таковым, становясь констатирующим ужас высказыванием, ряд слов и образов взят из «Пира королей». Именно там мы встречали и прилагательное «квадратный» («квадратный дождь»), и истуканов («Я — истукан»), однако здесь эти слова обретают страшную прозаическую мотивировку: квадратный лед потому, что так замерзла вода, а человек стал истуканом потому, что не способен двигаться. Но самое страшное оставлено до последней строки. В ней персонифицированная смерть не просто приходит, — она предстает увечной и распавшейся на отдельные органы, которые «живут» сами по себе и почти так же лишены «жизни», что и люди. В этом страшном пространстве может отдельно существовать «нога смерти», которая, как и все вокруг, готова обе-

здвижиться, — именно поэтому и употреблен глагол «вползти» (а не «прийти»).

Для блокадных стихов Стерлигова характерна персонификация смерти. Она может не только обладать частями тела (как в приведенных выше стихах), но и становиться владычицей, как в страшном стихотворении 1941 года:

Слышим голос твой владыка,
За тобой идем, медведи,
Костылями степь истыкав,
Сбросив с плеч охапки меди.

Мы на вздернутых ручищах
Смерть несём тому, кто ясен,
Восседая бездной днища,
Смерть орет «тоска по мясе».

Будет пир тебе, царица,
Будет зуб хрустеть на кости,
Будешь трупами кормиться,
Ты, владычица погоста.

Не вдаваясь в подробный разговор об этих стихах, отметим, что и здесь можно разглядеть образы из «Пира королей» (ср. «пир», «царственная дочь»), которые также кардинально меняют мотивировку, а также обратим внимание на мотив увечности, которой здесь наделена не смерть, а люди («костылями степь истыкав»).

В другом стихотворении смерть оказывается жутким огромным существом, которое хочет поудобнее устроиться, разлечься в городе. Однако не понятно, что страшнее — смерть или холод, который все живое превращает в почти неживое, что, возможно, оказывается еще большей пыткой:

Мороз вгрызался белым зубом
И шел по стенам, шел по трубам
И <нрзб.> инея ладони
В углы, на двери, подоконник,
И в наступленье не устав,
Он замораживал сустав,
Он замораживал сустав
И кости, жилы и движенья,
И требовал повиновенья.
Движенья нет, а есть мороз
И смерть, которую принес.
А она совсем не призрак,
А действительная смерть,
Где прошла, примерный признак —
Жёлтый трупик наповал.
Город ей удобней дровней,
Развалилась и слегка,
Чтобы ей было удобней,
Смерть ворочает бока.

Кто вам, упавшим на кровати,
Чтоб взором вечность изучать,

Предъявит чек за вас к оплате
И жизнь положит на кровать?

6 декабря 1941

Еще одно блокадное стихотворение оказывается совсем минималистским, лишенным каких-либо поэтических приемов, и этот отказ от поэтики становится предельно выразительным:

Ложку поднес к зубам — смерть,
Руку протянул, чтобы — здравствуйте — смерть,
Увидел птичку-чижика — смерть,
На ветке листочек гонится — смерть,
С товарищами идешь на прогулку — смерть,
Посмотрел на капусту в тарелке — смерть,
Друзей провожаешь: их двое, — смерть.
Случайно взглянул куда-то — смерть.

29 июля 1942

Хотя блокадными стихами поэзия Стерлигова не кончается, они оказались самым напряженным и сильным ее аккордом. После блокадных опытов поэт создал еще несколько стихотворений, однако самым удачными и плодотворными в творческом плане оказались самые страшные годы — 1940—1943. Так получилось, что уже к концу войны Стерлигов окончательно предпочел поэзии живопись. Остается только предполагать, что он, ученик Хармса и Введенского, открыватель обэриутского языка для запредельного опыта, как Гор и Зальцман, мог бы написать в дальнейшем, если бы не оставил поэзию. Одно из последних стихотворений — о бегстве и о веригах «новой веры», давшейся,

как покажет последующая жизнь, не менее сложно, чем вера по-
этическая.

Бежал от леса, от обедни
Богатых нежностью садов.
На зов бежал проклятых бредней,
В пожар камней, в тиски дворов.
И там, в косматых злобой взорах,
Где чащи рук готовы к драке,
И в разбегавшихся раздорах
В сердцах, несущих смуги накипь,
Нашел себе отменный берег,
Внимать рычанью гольтьбы,
Таскать вериги в новой вере,
Сжигающей на плахе лбы.

15 января 1943